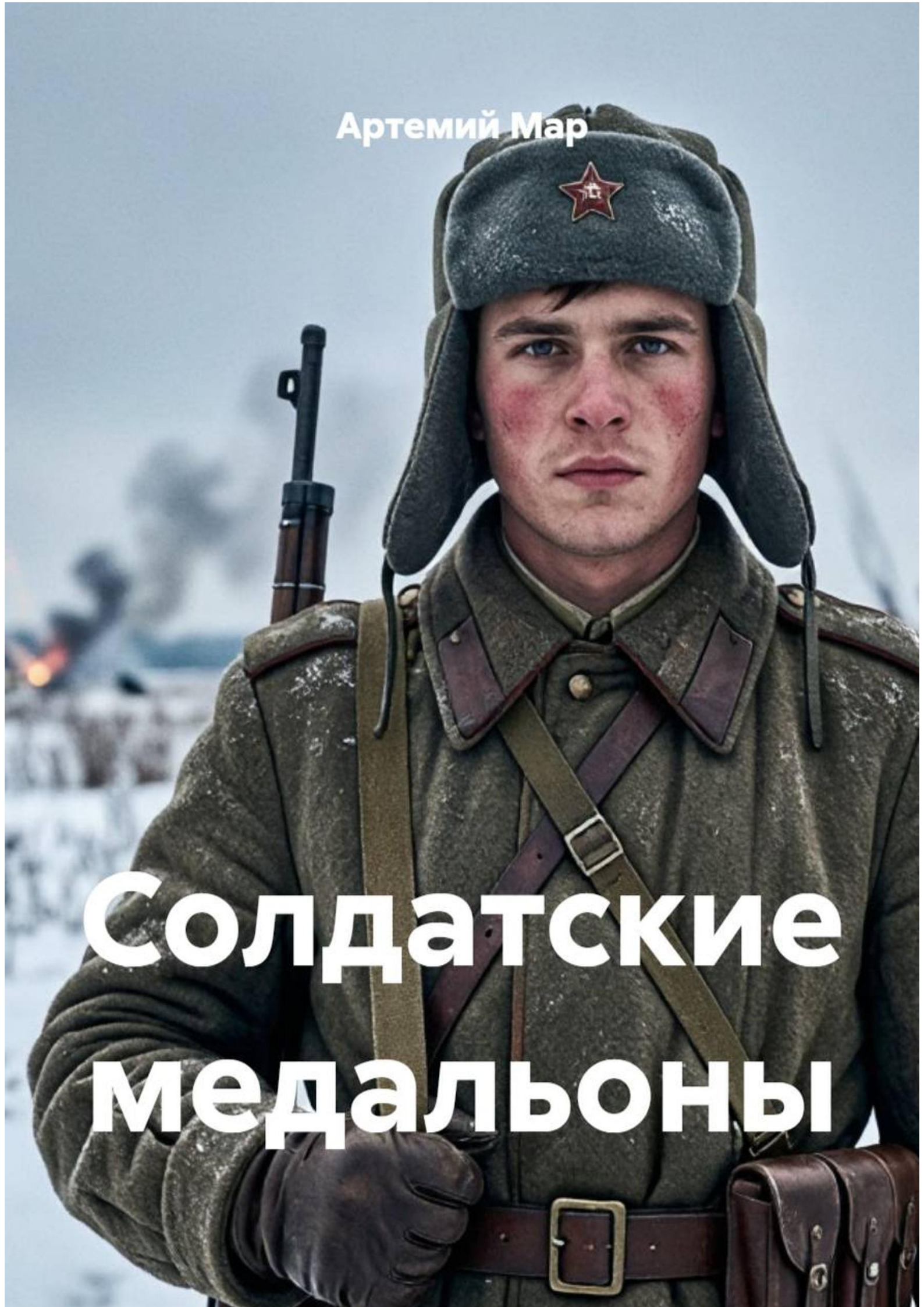

Артемий Мар

Солдатские медальоны

Артеми́й Ма́р

Солдатские медальоны

«Автор»

2026

Мар А.

Солдатские медальоны / А. Мар — «Автор», 2026

85 лет назад, 22 июня 1941 года, они ушли на войну. Они не вернулись. Но они оставили нам свои голоса — в истлевших гильзах, в выцветших строчках, в солдатских медальонах, которые поисковики находят до сих пор. Глава 1. Этот рассказ — не выдумка. Это реконструкция судьбы неизвестного бойца, чьё письмо в 2003 году подняли из земли поисковики отряда «Долина». Фамилии на гильзе не было. Но имя — Николай — и его последние слова сохранились. Они обращены к нам. К тем, кто живёт спустя 85 лет после начала самой страшной войны в истории. К тем, кто обязан помнить. «Мама, если что, я погиб. Я не трус. Ваш сын Коля». Глава 2. В основе этого рассказа — реальные события обороны Аджимушкайских каменоломен. Диалоги и чувства героя реконструированы автором. Все, что происходило с ним — газовые атаки, голод, тьма, — исторически достоверно. Глава 3. Стих, найденный поисковиками в Карелии в 2007 — неотправленное письмо к жене. Четыре строки. Всё, что он успел сказать. Всё, что от него осталось.

© Мар А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Гла	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Артемий Мар

Солдатские медальоны

Глава 1

Солдатские медальоны

*22 июня 1941 года они ушли на войну.
Эти рассказы — голоса из медальонов.
Голоса тех, кто не вернулся.
Они оставили нам последнее слово.*

«Я нетрус»

Снег проседал под ногами с влажным шипением. Коля Устинов стоял у бруствера, запрокинув голову, и смотрел на серую морось, висящую над лесом. Оттепель пришла в середине марта, и теперь всё вокруг — траншеи, землянки, трупы — медленно уходило в болото. Вода стояла на дне окопов по щиколотку, мутная, ржавая. Сапоги не просыхали третью неделю. Кожа на ступнях побелела и отслаивалась лоскутами.

Им было известно, что в конце февраля они замкнули кольцо вокруг семи немецких дивизий. Но немцы получали помощь по воздуху и готовили удар на прорыв. В конце апреля немецкая группировка нанесла удар и пробила на запад узкий коридор у Рамушево. Теперь фронт сместился, и их рота, оказавшаяся на острие этого удара, была отрезана от основных сил. Они окопались на высотке, прикрывая фланг, и ждали — ждали, что советские дивизии сейчас контратакуют и захлопнут эту рамушевскую горловину. Но контратака запаздывала, а немцы, просочившиеся через прорыв, начали зачищать тылы.

Справа, в нише, вырытой в стенке траншеи, сидел Вася. Ему только исполнилось девятнадцать, но лицо у него было стариковское — серое, заострившееся. Он чистил затвор винтовки, не глядя на руки, и монотонно, как молитву, повторял:

— Жрать. Жрать. Жрать.

Коля вытащил из кармана шинели последний сухарь. Твёрдый, как камень, с зелёной плесенью по краям. Разломил пополам. Протянул половину Васе. Тот впился в неё дёснами и замер.

Коля смотрел на него. Вася не жевал. Просто держал сухарь у губ, и на серую корку капало красное. Медленно. Капля. Ещё капля.

— Ты чего? — спросил Коля.

Вася опустил руку. Сухарь выпал в грязь. Кровь текла из угла рта, стекала по подбородку, и Вася не вытирал. Смотрел на Колю пустыми, очень светлыми глазами.

— Зубы, — сказал Вася. Голос был глухой, как из-под земли. — Все выпали.

У Фёдора зубы начали выпадать ещё неделю назад — тот сплёвывал их в снег, ругался шёпотом, а потом перестал. Потому что на место выпавших пришла боль, тупая, ноющая, от которой не спасала даже махорка. Махорки, впрочем, тоже не было.

Коля отвёл взгляд. Он знал: Вася умер ночью. Умер во сне, замёрз, просто перестал дышать. Он сам закрыл ему глаза, сам вытащил из-под головы вещмешок, чтобы кому-то ещё пригодился. Но сейчас Вася сидел рядом, протягивал руку за сухарём, и кровь текла, и это было правильно. Потому что грань между теми, кто ещё дышит, и теми, кто уже нет, истончилась в этом болоте до паутины.

— Прости, — сказал Коля. — Больше нет ничего.

Вася кивнул и замолчал. Так и сидел — молча, с красным подбородком, глядя в стенку окопа.

Сам он есть не стал. Спрятал свою половину обратно. Голод давно превратился в тупое гудение где-то под ложечкой, и это гудение можно было обмануть, если не делать резких движений.

Вместо еды он достал тетрадный листок, сложенный вчетверо, и огрызок химического карандаша. Пристроил бумагу на прикладе винтовки и замер. О чём писать? О том, что от роты остался он один? О том, что патронов по две обоймы на ствол? О том, что Фёдор, вологодский молчун, вчера полез за валежником — печурку надо было топить хоть чем-то, иначе к утру закохенели бы все, — и получил пулю в бедро? Как его тащили обратно через бруствер, как он мычал сквозь зубы, а кровь толчками уходила в снег, и пока доволокли — он уже не дышал. Глаза остались открыты. Вася их закрыл. Фёдор всё смотрел в серое небо, даже мёртвый.

Нет. Не об этом.

«*Я жив остался один*», — вывел он карандашом. Карандаш скрипел, крошился. Буквы выходили бледные, как тени.

— Вась, — сказал он, не оборачиваясь. — Ты курить хочешь?

— Хочу.

— И я хочу. А нечего.

Слева, где раньше была ячейка Миши, что-то зашуршало. Коля поднял голову.

Миша сидел на корточках, спиной к брустверу, и чистил затвор. Точно так же, как чистил его позавчера, когда ещё был живой. Когда осколок мины ещё не вошёл ему под каску — маленький, с ноготь величиной, но прямо в висок. Коля сам оттащил его тогда в воронку, сам присыпал снегом, потому что мёрзлая земля и лопата не брала.

— Миш, — сказал Коля. — Ты чего?

— Затвор клинит, — ответил Миша, не поднимая головы. — Грязь. Весна.

Коля посмотрел на свои руки. Они дрожали. Не от страха — от голода. И от холода. И от того, что он уже третий день разговаривает с мёртвыми, и это казалось ему самым обычным делом.

«*Федор убит вчера. Миша позавчера*», — написал он.

— Коль, — сказал Миша, всё так же не поднимая головы. — А Фёдор где?

— Убили, — ответил Коля. — Вчера. За валежником полез. Снайпер.

— Жалко. Он мужик хороший был.

— Хороший.

Коля отложил карандаш. Сунул руку в карман шинели, нащупал папиросу. Ту самую — «Казбек», с золотой буквой «К». Её нашёл Вася у Фёдора, когда того закапывали. Протянул тогда: «На, покури». А Коля не стал. Сказал: «Потом. Когда отобьёмся».

Он вытащил папиросу. Посмотрел на неё. Табак внутри, бумага пожелтела. Сунул в рот. Чиркнул кресалом. Искра. Ещё одна. Трут затлел. Коля прикурил, затянулся.

Дым пошёл сизый, душистый. Настоящий табак. Не травинки, не кора.

Он зажмурился.

И увидел Саратов. Улица Чапаева. Дом номер двенадцать. Мать стоит у плиты, мешает что-то в кастрюле, и пар поднимается к потолку. Оборачивается. По её лицу бегут слёзы. Он не видел этого никогда — только представлял. Но сейчас эта картина была ярче, чем серая морось над болотом. Он сидел в траншее за полторы тысячи вёрст от дома, а она плакала там. Знала. Всегда знала.

— Мам, — сказал Коля вслух.

Слово упало в грязь, как гильза.

Он открыл глаза. Рядом с ним в траншее сидели Фёдор, Миша и Вася. Все трое. Все мёртвые. И все смотрели на него.

— Ты кури, кури, — сказал Фёдор. Голос был хриплый, как при жизни. — Заслужил. Коля затянулся ещё раз. Дым обжёт горло. Он закашлялся, и кашель вышел лающим, злым. Папироса дрожала в пальцах.

«Ждём подкрепление», — написал он дальше. «Нет у мочи терпеть. Курить охота, жрать охота, а боеприпасов еще больше охота...»

Тишина сгустилась. Даже капель перестала.

А потом Миша сказал:

— Гудит.

Коля замер. Капель. Шорох ветра в голых ветках.

— Не слышу.

— Гудит, говорю. Железом.

Коля поднял голову. Миша уже не сидел в траншее — он исчез, растворился, как и не было. И Фёдор исчез. И Вася — только красное пятно на грязи осталось.

Коля выбрался на банкет — земляную ступеньку у бруствера. Приложил к глазам бинокль. Стекло было мутное, в разводах, но разглядел. Три коробки. Pz.III, угловатые, серые. Они выползли из-за дальнего перелеска. Но не с болота — болото было левее, и там не прошла бы и телега. Они шли по настилу. По бревенчатой гати, наведённой этой ночью через трясины, которую наши считали непроходимой. Немцы прощупывали фланги прорванного рамушевского коридора, расширяя горловину, и их танки заходили в тыл изолированным опорным пунктам, чтобы снять блокирующие отряды.

За танками — пехота. Много. Цепь за цепью.

Он сполз обратно в окоп и начал готовиться. Снял с бруствера бутылки с зажигательной смесью — мутная жидкость колыхалась внутри, пахла бензином и фосфором. Рядом положил связку — три РГД-33, крепко перемотанные телефонным проводом.

Танки приближались. Уже слышен был лязг гусениц, а не только низкое, утробное гудение моторов. Земля под ногами начинала дрожать.

Он вытащил письмо. Дописал. Карандаш сломался, последние буквы он выдавил, как выдавливают последние капли из фляги.

«...Идут танки... Прощайте, не знаю напишу ли еще. Мама, если что, я погиб. Я не трус. Ваш сын Коля. Апрель 1942 год».

Коля сунул руку в нагрудный карман гимнастёрки. Пальцы наткнулись на что-то маленькое, твёрдое. Он вытащил. Гильза. Обычная винтовочная гильза, заткнутая деревянной пробкой. Он сам вырезал эту пробку из обломка приклада, когда понял, что письмо может понадобиться. Что оно — единственное, что от него останется.

Свернул листок трубочкой. Засунул в гильзу. Заткнул пробкой. С силой вдавил её большим пальцем. Спрятал гильзу обратно в нагрудный карман.

Теперь всё.

Танки были уже метрах в трёхстах. Головной развернул башню, коротко рыкнул выстрелом. Снаряд с визгом ушёл выше, в кроны деревьев. Посыпались ветки.

— Ну, — сказал Коля вслух, неизвестно кому. — Пошли.

Он подхватил связку, бутылку, выбрался из траншеи и, пригибаясь, побежал навстречу.

Он бежал не как герой. Он бежал, спотыкаясь, падая, вжимаясь в мокрый снег, когда над головой свистели пули. Рот был полон земли. Сердце колотилось так, что заглушало канонаду. Мыслей не было. Только страх — липкий, животный, скручивающий внутренности, — и злое упрямство: «Не упасть. Добежать. Бросить».

Головной танк заметил его. Пулёмётная очередь полоснула по снегу слева, потом справа — немец брал в вилку. Коля упал, перекатился в воронку, наполовину залитую ледяной водой. Вода хлынула за воротник, обожгла тело. Он лежал, тяжело дыша, танки были близко. Он

слышал, как траки перемалывают снег в грязную кашу. Слышал, как гудит мотор. И ещё он слышал тихий, спокойный голос — кажется, Фёдора: «Давай, Коля. Давай».

Ближе. Ещё ближе.

Он подпустил танк на тридцать метров. Поднялся — резко, рывком — и метнул бутылку.

Стекло разбилось о лобовую броню. Пламя растеклось оранжевой плёнкой, но танк не загорелся — горючка попала на броневой лист, а не на решётку моторного отсека. Экипаж даже не заметил.

Тогда Коля выдернул чеку связки.

Танк был уже в пятнадцати метрах. Башня поворачивалась, пулемёт нащупывал цель.

Коля размахнулся.

И в этот момент он увидел не танк. Не броню. Не пулемётное дуло.

Он увидел их всех. Фёдор стоял у левого борта, сложив руки на груди, и кивал — мол, давай, земляк. Миша сидел на корточках, чистил затвор. Вася — совсем мальчишка — улыбался, и по подбородку его текла кровь, но глаза были живые, весёлые.

— Мы с тобой, — сказал Вася. — Бросай.

Коля бросил.

Связка легла точно под левую гусеницу. Взрыв. Лязг. Танк дёрнулся, развернулся боком, гусеница лопнула и поползла в грязь, как убитая змея. Машина закрутилась на месте, подставляя борт.

И тогда Коля упал.

Пулемётная очередь с соседнего танка ударила его в грудь. Три пули. Он не почувствовал боли — только сильный толчок, как будто кто-то ударил бревном. Спина встретила мокрую землю. Небо опрокинулось — серое, бескрайнее, равнодушное. Рот наполнился тёплым, солёным.

Дышать становилось всё труднее. Воздух уходил, грудь не поднималась.

Над ним склонилось лицо. Мать? Нет. Вася. Совсем молодой, безусый. Он смотрел на Колю и улыбался.

— Покурим? — спросил Вася и протянул папиросу.

Коля хотел сказать: «Да». Но губы не слушались.

Только одними губами: «Мам».

И ещё тише: «Я не трус».

А потом небо над Демянском потемнело, и Коли не стало.

Послесловие

Весной 2003 года поисковый отряд «Долина» поднимал останки бойцов 34-й армии в районе бывшего Демянского котла на южных подступах к Рамушево. В засыпанной траншее, на глубине полутора метров, среди истлевших гимнастёрок и проржавевших касок, был найден скелет. На груди, под рёбрами, лежала винтовочная гильза, заткнутая деревянной пробкой.

В лаборатории, при специальном освещении, из гильзы извлекли листок школьной тетради. Химический карандаш почти выцвел. Но удалось прочесть дословно:

«Я жив остался один. Федор убит вчера. Миша позавчера. Ждем подкрепление. Нету мочи терпеть. Курить охота, жрать охота, а боеприпасов еще больше охота... Идут танки... Прощайте, не знаю напишу ли еще. Мама, если что, я погиб. Я не трус. Ваш сын Коля. Апрель 1942 год».

Фамилии на бумаге не было.

Солдата похоронили на воинском мемориале как «Неизвестного». На табличке — только номер.

Но в отчёте поискового отряда за тот год есть строка: *«Обнаружено письмо-медальон. Автор — Николай. Призывался, предположительно, из Саратова. Просил передать матери, что не трус».*

По номеру гильзы и сохранившимся архивам удалось установить, что это мог быть Николай Устинов, призванный из Саратова. Но точного подтверждения не нашлось.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.